

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА: АМЕРИКАНСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ПОДХОДЫ

Лексина Е.А.

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (410012, Саратов, ул. Астраханская, 83), e-mail: lexelen_28@mail.ru

В настоящее время возрастает интерес к проблеме глобального лидерства, что объясняется реорганизацией системы международных отношений. Если в конце XX – начале XXI вв. мировой политический лидер был очевиден — эту роль исполняли Соединенные Штаты Америки, то сегодня единоличное господство Вашингтона постепенно уходит в прошлое. Вопрос заключается в том, по какой траектории будет развиваться мир дальше: сформируется новая биполярность или возобладает тенденция на полицентричность. На авансцену мировой политики выходят новые игроки, среди которых наибольшее внимание привлекает Китайская Народная Республика. Именно Пекин чаще всего называют потенциальной сверхдержавой – страной, способной стать новым мировым лидером. В этой связи возрастает значимость сравнительного анализа американского и китайского подходов к проблеме глобального лидерства.

Ключевые слова: политическое лидерство, США, Китай.

THE GLOBAL LEADERSHIP: AMERICAN AND CHINESE APPROACHS

Leksina E.A.

Saratov State University (410012, Saratov, Astrakhanskaja Street, 83), e-mail: lexelen_28@mail.ru

Now the interest to a global leadership issue is growing due to the reorganization of the system of international relations. If at the turn of the 20th-21st centuries the global political leader was apparent — this role was played by the USA, then today the global domination of Washington is receding into the past by degrees. The question is what trajectory the world will choose to continue its development: there will be a new bipolarity or a policentric tendency will prevail. New players are coming to the foreground of the world politics, among which the Republic of China is drawing the most attention. It is Beijing which is most frequently called a potential superpower, the country capable to become a new world leader. In this connection the significance of a comparative analysis of American and Chinese approaches to the problem of global leadership is increasing.

Key words: political leadership, the USA, China.

Дискуссии о мировом политическом лидерстве актуализировались в связи с меняющейся конъюнктурой международной системы. Постепенное ослабление мощи США, восхождение на Олимп мировой политики новых акторов, возрастающее влияние КНР на глобальные экономические и политические процессы — все эти явления нового тысячелетия вернули в повестку дня международной жизни вопрос о новой вариации глобального лидерства. Останутся ли США державой номер один в мире? Как определяет Вашингтон свое место на международной арене? Какие намерения таит растущий азиатский гигант — КНР? Стремится ли Пекин к глобальному лидерству?

Целью данной статьи является сравнение подходов американских и китайских руководящих кругов к политическому лидерству.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие политического лидерства;
- проанализировать концепции лидерства, востребованные истеблишментом США и КНР;
- сравнить восприятие и ключевые принципы политического лидерства двух стран.

Вплоть до сегодняшнего дня в политической науке не сформировано единого определения понятия «политический лидер» и существует многообразие взглядов на проблему лидерства в международных отношениях. В этой связи представляется целесообразным привести лишь наиболее объективные и точные, на мой взгляд, дефиниции.

Так, А.Д. Богатуров определяет страну-лидера следующим образом: «Под "типичным" лидером понимается государство, обнаруживающее объективную способность и выраженную волю, во-первых, навязать свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы его собственной выживаемости в политическом и страновом качестве» [3]. Еще один российский исследователь, Т.А. Шаклеина, понимает под лидерством «одну из форм реализации потенциала того или иного центра силы — государства. Это деятельность, обязательно востребованная со стороны тех, кого лидер собирается за собой вести» [9].

Согласно другой точке зрения, для обозначения особой роли государства на мировой арене существует по меньшей мере четыре термина: лидерство (leadership), «господство» (domination), «первенствование» (primacy) и «гегемония» (hegemony).

«Лидерство государства» — это способ политического управления, предполагающий: определение этим государством направления, в котором должны двигаться оно само и другие государства; ведение последних за собой на основе их добровольного согласия; наличия у ведущего и ведомых общего интереса и защиту последнего на мировой арене; ответственность лидера перед остальными» [8].

Под господством обычно понимается способ политического управления, основанный на повиновении.

«Первенствование», если воспользоваться удачным определением С. Хантингтона, — это способность «оказывать большее влияние на поведение большего числа участников по большему кругу вопросов по сравнению с любым другим государством» [1].

Гегемония представляет собой монопольное господство, которое, к тому же, основано на принципе подчинения более слабых государств государству-гегемону. Примечательно, что понятие «гегемония» американские теоретики употребляют только применительно к

США, поскольку считают, что все остальные варианты гегемонии (например, советская) в качестве основного элемента содержат в себе откровенный диктат.

Таким образом, очевидно, что политическое лидерство до сих пор является недостаточно исследованным явлением, что доказывает в том числе и отсутствие единого определения данного понятия.

На сегодняшний момент мировым лидером считаются Соединенные Штаты Америки — государство, обладающее возможностями и волей к осуществлению своих лидерских амбиций посредством распространения собственных культурных, политических и экономических ценностей, на протяжении многих лет пытающееся создать Pax-Americana — мир по собственному образцу.

Однако, по мнению многих авторов, былая мощь США постепенно уходит в прошлое. Характерной чертой глобальной «политической кухни» нового тысячелетия становится подъем развивающегося стремительными темпами азиатского гиганта — Китая. Согласно данным Всемирного банка, экономика Китая составляет более 9,5 трлн. долларов США, т.е. уже больше половины от американской. Более того, по показателям внешнеторгового оборота Китай в 2012 г. вырвался в лидеры мировой торговли, он обогнал США на 50 млрд. долларов (импорт и экспорт Китая составил 3,87 трлн., США – 3,82 трлн.). На сегодняшний день Китай — новый актер мировой политики, наращивающий свой экономический, политический и военный потенциалы беспрецедентными темпами. Согласно оценкам Национального разведывательного совета США, Китай к 2030 г. будет представлять собой крупнейшую экономику и обгонит США [5]. Обсуждение «китайского фактора» и проблема «мирного востания» КНР в планетарную систему отношений в качестве игрока глобального масштаба — важнейшая часть современной дискуссии о лидерстве. Таким образом, не остается никаких сомнений, что XXI в. будет во многом ознаменован конкурентной борьбой двух гигантов — Китая и США. В связи с этим необходимо рассмотреть подходы к лидерству со стороны двух основных претендентов на пост глобального лидера.

Отношение к лидерству в руководящих кругах США

Ни для кого не секрет, что в умах и речах практически всех американских деятелей с самого образования государства в Северной Америке превалирует идея об исключительности Соединенных Штатов Америки. С момента открытия Нового Света Америка воспринималась как нечто утопическое, страна, в которой созданы лучшие условия для пострадавшего человечества. «Жизнь по-американски», «американская мечта», в которой воплощены все чаяния человечества — вот лозунги, сформировавшие в общественном мнении миф об американской исключительности. На этих идеях выросли

целые поколения американских государственных деятелей, которые впоследствии выпестовали американское мировосприятие, главной идеей которого является то, что центральное место в системе международных отношений занимают именно Соединенные Штаты, а все остальные, периферийные, государства — либо вассалы, либо соперники.

По мнению А.Д. Богатурова, в начале XXI в. наметились основные черты нового миропорядка по-американски. Во-первых, его главным гарантом и регулятором стали США. «Американские администрации руководствовались прежде всего американскими интересами, с которыми в Вашингтоне отождествляли интересы всего мира» [2].

Во-вторых, в основу нового международного права были положены демократические ценности в их традиционном западном понимании, которое сильно резонирует с представлениями о свободе, демократии и порядке в незападных частях мира.

Соединенные Штаты, руководствуясь собственными представлениями о том, как должен выглядеть новый мировой порядок и какие принципы должны составлять его каркас, стали действовать на международной арене с присущей им уверенностью в правильности своих действий так, словно новый миропорядок уже окончательно сформирован. «Вызывающая одноцентричность» нового положения дел в мире, попытки Вашингтона поставить под контроль все международные организации, фактическое отрицание суверенитета других государств, практика проведения несанкционированных ООН интервенций за рубежом, а также поворот США к неограниченному использованию военной силы стали главной чертой, характеризующей с нелицеприятной стороны американский внешнеполитический курс, проводимый практически без коренных изменений с момента слома старого миропорядка.

Т.А. Шаклеина выделяет три основные концепции внешней политики США, изучение которых дает возможность понять внешнеполитические приоритеты [10].

Первая концепция основана на «жесткой» гегемонии США. Разработанная учеными и политиками, по своим убеждениям принадлежащими к правому направлению консерватизма, она, в сущности, представляет собой крайнее проявление лидерства. Согласно этой концепции, «США имеют исключительные права и возможности для формирования нового миропорядка по американской модели, в соответствии с западными ценностями, на основе уже имеющихся политических, военных и экономических организаций, которые доказали свою эффективность и обеспечили Западу победу в холодной войне». Странам, оставшимся на периферии отводится роль пассивных последователей, которым, по мнению сторонников данного подхода, необходимо максимально встроиться в новую систему, чтобы не оказаться «за бортом» и не проиграть от положения аутсайдера в мировой политике, т.к. впоследствии все равно придется играть по установленным правилам, только на менее выгодных условиях.

Данная модель использовалась политическими кругами США на протяжении второй половины XX в. и начала 2000-х гг. Учитывая сегодняшнюю мировую политическую обстановку, можно заключить, что администрация Б. Обамы во многом вернулась к основным принципам данной концепции, частично видоизменив их форму, впрочем, содержание осталось прежним. Чего стоят только такие действия США, как участие в сирийском конфликте, развязывание украинского конфликта, введение санкций против РФ в одностороннем порядке. Как и в минувшие 2000-е гг., судя по всему, американский истеблишмент свято верит в правомерность своих односторонних акций и подменяет понятие общемировых интересов преследованием сугубо национальных целей.

Второй подход к лидерству основан на либерально-консервативном направлении (концепция «рыхлой» гегемонии). «В ее основе — также идеи гегемонии, оформленные в либеральных терминах: идеи американской исключительности заменены идеями распространения демократии и рыночной экономики американского образца».

В основе третьей концепции лидерства лежит либерально-реалистическое представление о роли США в мировой системе. Сторонниками данной концепции являются противники гегемонии вообще и американской в частности. Концепция строится на более сбалансированной оценке ситуации в мире и возможностей США. Ярким отличием от двух предыдущих подходов является признание необходимости отказаться от мессианских идей, не препятствовать укреплению других центров силы в мире и проводить политику встраивания США в концерт ведущих держав. Сторонники данной модели лидерства, не отрицая превосходства Соединенных Штатов, в то же время не признают за ними право на безальтернативное мирорегулирование, рассматривают современную ситуацию как «переходную», в процессе которой формирование новой системы международных отношений будет испытывать влияние главного полюса силы, но не будет определяться диктатом Вашингтона. С сожалением приходится констатировать, что в американских академических и тем более политических кругах сторонников данной концепции явное меньшинство.

Все три представленные модели лидерства США демонстрируют, в сущности, актуальные принципы, которыми руководствуются нынешние американские политики при формулировании и реализации внешнеполитической стратегии.

Отношение к лидерству в политических кругах КНР

В мировой академической среде разгораются ожесточенные дебаты по поводу возросшей роли Китая в строящейся международной системе. Ожидать ли в обозримом будущем претензии Китая на глобальное лидерство или его устроит статус региональной державы? Как поведет себя Китай на мировой арене, сравнившись с США и достигнув статуса сверхдержавы? Обеспокоенность выражают и китайские аналитики, задаваясь вопросами: «как должен вести себя Китай, приобретя статус "даго" (великой державы)? Стоит ли ему становиться "фуцзэго" (ответственным государством), что это будет значить для Китая? Как совместить западное и китайское понимания ответственности в этом контексте» [4]?

Мнения аналитиков разных стран сходятся в одном — Китай уже не может оставаться в тени, следуя стратегическим принципам великого китайского реформатора Дэн Сяопина, поскольку они уже не соответствуют мировым политическим реалиям. За годы беспрецедентного экономического роста КНР вышла на авансцену мировой политики и по мере увеличения своей мощи создала прочную основу для «возвышения» с претензией на глобальное лидерство. В китайском обществе происходит явная трансформация идеологических установок. По словам российского востоковеда С.Г. Лузянина, в Китае сформировался слой решительно настроенного населения, в т.ч. и среди молодежи, готового в любой момент откликнуться на призыв партии и ринуться в бой, претворяя в жизнь идеи о восстановлении исторической справедливости и переходе Китая на уровень мировой державы, с которой считаются и за которой готовы следовать [7]. В докладе Ху Цзинтао на XVIII съезде КПК ясно прослеживается мысль о том, что Китай достиг того уровня развития, который позволяет ему стать мощной мировой державой, а в будущем и сверхдержавой, и побороться за лавры глобального лидера с США.

Для реализации проекта «глобальная держава» Китай наращивает и укрепляет свой экономический потенциал, подкрепляя его соответствующим уровнем военно-стратегического развития, однако только этих элементов недостаточно для воздвижения на пьедестал мировой политики, поэтому Пекин уделяет должное внимание и гуманитарному воздействию. Гуманитарное влияние — то, о чем говорил Дж. Най, называя его «мягкая сила», представляет собой в век инноваций неотъемлемый фрагмент политического могущества государства. Китай, осознавая всю важность гуманитарного воздействия, проводит курс на массовый экспорт идей и культурных ценностей.

На сегодняшний день по всему миру реализация гуманитарной политики Китая осуществляется активно в нескольких направлениях. Китайское центральное телевидение вещает на шести языках, институты Конфуция действуют почти в 100 странах мира, Китай

регулярно проводит мероприятия мировой значимости, к примеру, летняя Олимпиада-2008, всемирная выставка «ЭКСПО-2010» и ряд других.

Важной особенностью Китая является его модель экономического развития — «социализм с китайской спецификой», которая, в сущности, представляет собой капиталистическую модель, совмещающую капиталистические принципы экономики с жесткой централизацией. И очевидно, что китайская экономическая модель является жизнеспособной, представляя собой альтернативу западной модели, что способствует росту симпатий и привлечению сторонников.

В рамках китайской политической науки и практики можно выделить ряд концепций, дающих возможность понять подходы к международным отношениям. Несколько упрощая ситуацию, можно выделить две контрарные модели поведения: националистическую и коллективистскую. Сторонники националистической концепции полагают, что Китай должен решительно отстаивать свои национальные интересы на мировой шахматной доске. Также они считают, что по мере усиления Китая он может играть более важную роль в международных отношениях, «осуществлять свои цели, действуя в одностороннем порядке, на двусторонней основе или небольшими группами союзников» [6].

Противоположную точку зрения представляют те (на официальном уровне они представляют собой подавляющее большинство), кто полагает, что для защиты национальных интересов Китай должен играть более значимую роль в рамках международной системы, опираясь на международные организации и коллективную политику. Однако необходимо понимать, это не подразумевает ограничения действий Китая со стороны международных организаций, под многосторонней политикой имеется в виду то, что государствам следует вместе обсуждать способы решения международных проблем.

Таким образом, подходы к пониманию лидерства в политических кругах США и КНР различны и представляют собой разное видение возможностей, которые дает обладание почетным статусом лидера. В США превалирует более жесткая модель, предполагающая навязывание сугубо субъективных американских идеалов и стандартов остальному миру, подчинение несогласных путем гуманитарных интервенций и инициированием региональных конфликтов. В отличие от гегемонистской направленности США, в Китае лидерство проявляется наиболее лояльно. Заслугой китайцев является мягкое, ненавязчивое распространение влияния. Китай активно практикуется в «мягкой» силе, неся в мир элементы таинственной китайской культуры. Однако такая мягкость не ликвидирует опасений мирового сообщества по поводу будущего поведения Пекина. Ведь исследуя динамику перемен в Китае, можно заметить, что помимо экономических, социальных нововведений, китайцы постепенно меняют свою внешнеполитическую стратегию, выходя

все больше из тени. По замечанию российского синоведа А.В. Виноградова, «с точки зрения цивилизационного развития главная цель Китая — восстановить историческую справедливость, вернуть себе место регионального лидера и мировой статус... В соответствии с этим Китай стремится стать мировой державой по статусу и региональной по ответственности» [Цит. по: 7].

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-37-01208.

Список литературы:

1. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. – М., 2005.
2. Богатуров А.Д. Современная мировая политика: Прикладной анализ. – М., 2010.
3. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М., 2002.
4. Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства? // Международные процессы. – 2004. – № 2.
5. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Национальный Совет по разведке США, 2012.
6. Грант Ч. Россия, Китай и проблемы глобального управления. – М., 2012.
7. Лузянин С. Китай и XVIII съезд КПК. Внутренние и внешние ориентиры // Обозреватель. – 2013. – № 1.
8. Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. – М., 2013.
9. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. – М., 2012.
10. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). – М., 2002.